

контраста *er hatte ein ganz altes Gesicht*, хотя *er erst zwanzig war* автор сигнализирует о том, что герой пережил горе, боль утраты, и акцентирование внимания на *Küchenuhr* придает ключевому слову дополнительный оттенок в смысловой структуре и рефлексивно вызывает у читателя ассоциации, связанные с домашней обстановкой, и устанавливает связь между внутренним и внешним состоянием героя, его болью и переживаниями – с домом.

В ходе повествования слово *Küchenuhr* повторяется неоднократно и в концовке осознается читателем ретроспективно и приобретает иное значение. В начале оно узуально, в середине – приобретает контекстуальное значение, а в концовке – концептуальное. В медиальной части ключевое слово *Küchenuhr* и остановившееся время (*um halb drei*) становится предметом, который ассоциируется у главного героя с домом уже в прошлом (*um halb drei kam ich nämlich immer nach Hause*), с мамой (*und dann, dann kam nämlich meine Mutter*), ее вниманием и заботой (*Sie hat mich immer gehört... Und dann machte sie mir das Abendbrot warm und sah zu, wie ich aß... Und sie saß so lange bei mir, bis ich satt war*).

Таким образом, *Küchenuhr* в медиальной части приобретает контекстуальное значение – становится воплощением домашнего уюта, маминой заботы и тепла, которое, кажется будет вечным: *Ich dachte, das könnte nie aufhören*.

Концовка КР охватывает последние два абзаца, выраженные ФСТР «сообщение»: в первом из них автор использует повтор ключевого слова *die Uhr*, а во втором ключевое слово преобразуется с помощью метафоризации в слово *Paradies*. При этом смысловое значение ключевого слова расширяется и с помощью ассоциаций приобретает его концептуальное значение (*Paradies* 'рай' – «счастье»):

Dann hob er wieder die Uhr hoch und er lachte. Er lachte: Nur sie ist hier. Sie ist übrig. Und das Schönste ist ja, dass sie ausgerechnet um halb drei stehengeblieben ist. Ausgerechnet um halb drei.

Dann sagte er nichts mehr. Aber er hatte ein ganz altes Gesicht. Und der Mann, der neben ihm saß, sah auf seine Schuhe. Aber er sah seine Schuhe nicht. Er dachte immerzu an das Wort Paradies [13, с. 74].

В данном примере автор эксплицитно выражает концепт произведения с помощью ассоциаций, вызванных у героя предметом домашнего обихода – *die Uhr*, и одновременно с помощью ассоциаций вызванных у читателя, слившихся в конце произведения в одно понятие «рай». Часы становятся воплощением СЧАСТЬЯ от материнской заботы, домашнего тепла и ГОРЯ – от утраты того, что было так дорого.

Начало и конец дистанционно обнаруживают и вышеперечисленные типы связи на основе других лексических и синтаксических средств, функции которых рассматривались выше на примере других рассказов. Но наиболее четко в данном рассказе проявляется между началом и концовкой ассоциативная связь. Она способствует созданию концептуального образа с помощью ключевого слова путем расширения его смыслового и ассоциативного значения (см. табл. 1).

Таблица 1. Трансформация значения ключевого слова

начало	медиальная часть	концовка
предметно-логическое значение – предмет домашнего обихода	контекстуальное значение – материнская забота, домашнее тепло	ассоциативное значение – рай – СЧАСТЬЕ

Анализ вышеприведенного КР демонстрирует, что трансформация значения ключевого слова *Küchenuhr* и установление ассоциативной связи между началом и концовкой КР способствует организации тематического и концептуального единства текста.

Источники и литература

1. Бялоус Н. И. Особенности лингвистической организации конца художественного произведения: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1985. – 156 с.
2. Винокурова И. Ж. Лингвистические аспекты соотношения зачина и концовки в художественном тексте (на материале англоязычных коротких рассказов): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 154 с.
3. Воробьева О. П. О средствах делимитации составляющих текста. – В кн.: Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков. – Киев: Выща школа, 1981. – С. 14-19.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
5. Змиевская Н. А. Ассоциативность как способ интеграции текста // Интегративная функция стилистикокомпозиционных приемов в английском языке / Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып. 215. – М., 1986. – С. 21-28.
6. Ковтунова И. И. структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 262-275.
7. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
8. Лягушенко С. И. Информация текстовых начал и ее коммуникативное развертывание (на материале короткого англоязычного рассказа): Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1999. – 174 с.
9. Николаева В. П. Заключительные абзацы в рассказах К. Паустовского: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1973. – Вып. 78. – С. 131-136.
10. Петрова Н. В. Начало и его роль в организации художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1983. – 16 с.
11. Силаев В. В. Зачин литературного произведения и его текстоорганизующая роль (на материале рассказов англоязычных писателей): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 178 с.
12. Томас А. О. Пространственно-временная информативность начальных и заключительных абзацев художественного прозаического текста: Дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 195 с.
13. Borchert W. Die Küchenuhr // Spiel für Wind und Wellen. – Stuttgart: Philipp Reclam, 2002. – S. 70-74.

Шаронова Е. В.

О ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ НОМИНОВЕРБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Язык как сложнейший феномен обладает множеством черт, качеств, свойств, функций, связей и опосредствований как с окружающим, так и с внутренним миром человека.

Исследование естественного языка, его элементов, их свойств и функций по-прежнему привлекает внимание специалистов различных научных школ и направлений, разных взглядов и подходов, поскольку

каждый подход позволяет обнаружить все новые грани этого уникального явления. Совершенно справедливо замечает по этому поводу М. П. Кочерган, считая, что «жодна наукова парадигма не може претендувати на статус абсолютно правильної і єдино можливої, однак кожна з парадигм – це новий (інший) погляд на таке складне, багатомірне явище, як мова» [3, с. 158].

Объектом нашего исследования являются устойчивые номинOVERбальные комплексы (УНВК) в немецком языке, которые продолжают привлекать внимание исследователей в связи с проблемой их аналитизма, устойчивости и полифункциональности, а также в связи с функционированием их как стандартизованных структур, на что неоднократно указывали исследователи [2; 8; 12] и др. Отмечая сущность УНВК, лингвисты видят их предназначение в основном для выражения фазисного характера протекания действия. Следует, однако, заметить, что этим их роль как составных элементов более сложных величин (предложений, текстов) не ограничивается и не исчерпывается, а функции в организации и в формировании текста гораздо разнообразнее. Они не служили объектом специального исследования, поэтому заявленная тема представляется актуальной.

В нашей статье рассматриваются УНВК, их текстуализация, под которой мы понимаем процесс семиотического оформления фрагмента внешнего и/или внутреннего мира социума, его когнитивной деятельности при миропознании и самореализации.

Цель и задачи исследования заключаются в выявлении лингвистических потенций указанных единиц, их роли и функций при организации текста. Для реализации поставленной цели и решения конкретных задач используются практикуемые в современной лингвистике методы, в том числе и функциональный анализ.

Как без микро- и макроэлементов не может функционировать организм, точно так и язык функционирует как целостная, но противоречивая система взаимодействующих элементов. Учитывая, что к числу элементов языковой системы относятся слова как базовые единицы, вербализующие любой мыслительный процесс, следует заметить, что они благодаря словосочетаниям, предложениям, а также невербальным средствам, создают концентрированный структурно-семантический смысловой блок, который не является абсолютно независимой величиной. Существует естественная валентнообусловленная зависимость каждой языковой структуры от иных величин разных уровней. Степень обусловленности различна. В результате такой зависимости формируется целый комплекс разноуровневых единиц, который в более крупной парадигме представляет собой языково-знаковую величину, очень сложную и противоречивую, называемую текстом.

Опираясь на работы многих отечественных и зарубежных текстологов, мы рассматриваем текст как структурно-семантическое целое любого объема, части которого органически взаимосвязаны, и которое несет общую единую информацию в определенном дискурсе языковой коммуникации [1], [4], [6], [7], [10].

В основе текстуализации лежит имманентно присущее структурам любого уровня свойство «соединяться», то есть вступать в комбинацию с другими элементами, как во внешней, так и во внутренней синтагматике на базе валентности, которая необходима для того, чтобы служить основанием для системы. В процессе восприятия многослойного информационного пространства в сознании человека происходит своеобразная его фрагментация. Образовавшиеся в результате этого процесса смысловые блоки подвергаются диакритизации и приобретают определенную многослойную форму, которая служит извлечению, кумуляции и ретрансляции информации.

Текст как одна из важнейших знаковых величин изучается в разных аспектах, в разных ракурсах и с разных точек зрения (Point – de – vue – Technik), что обусловлено сложностью и многогранностью самого объекта. На сегодня не существует универсального определения текста, насчитывается около полусотни различных дефиниций, и все они имеют право на существование, так как в каждой из них отражены какие-то существенные черты, характерные для текстовой величины. Текст, независимо от подходов и взглядов, признается основной единицей коммуникации, а также основной категорией языка, а «само общение через текст приобретает законченный информационный акт» [5]. Таким образом, через текст решаются вопросы формирования как лингвистической, так и коммуникативной компетенции. Место и функции отдельных языковых элементов в формировании текста как относительно завершенного в смысловом отношении структурно-функционального единства в большей степени изучены в грамматическом аспекте, в меньшей – в лексико-словосочетательном и фразообразовательном.

Под текстообразующими факторами УНВК мы понимаем реализацию свойств данных языковых знаков, позволяющих им, наряду с грамматическими, лексическими и другими средствами, создавать в тексте те звенья, которые являются элементами его структуры, а также связующими средствами фрагментов текста, обеспечивающими межтекстовые связи.

Реализация лингвистических потенций УНВК, как элементов текста, связана с их основным свойством, проявляющимся в ситуативной вариации компонентного состава. Способность устойчивых словосочетаний к актуализации в связи с коммуникативной стратегией неоднократно служила объектом лингвистических исследований в стилистическом аспекте. Менее изучен коннотативный потенциал, связанный с вторичным семантическим процессом при их функционировании. А именно это свойство исследуемых УНВК особенно часто выступает как структурный элемент текстов различного характера.

Вторичные семантические процессы связаны с фразообразовательной диалектикой, проявляющейся в том, что слова-компоненты устойчивой единицы, утрачивающие свое лексическое значение, присущее им в лексико-семантической системе данного языка, и образующее в комплексе новое значение, могут в дальнейшем приобрести семантическую отдельность, образование которой происходит в результате закрепления за полнозначным словом-компонентом значения всего словосочетания, что можно обозначить как слово-сочетательная деривация [2].

Текстообразующим элементом является сам лингвистический факт наличия вторичных семантических процессов, потенциальной членимости слов компонентов, причем коннотативный эффект возрастает при самых неожиданных актуализациях слов-компонентов, включая также и прием двойной актуализации. Подтверждением текстообразующих свойств УНВК может служить анализ короткой истории, поскольку короткая история –

это взятый из жизни кусочек действительности. Мы разделяем мнение В. Шнурре, который видит в ней «чувствительнейший сейсмограф социальных, политических и общечеловеческих отношений» [11, с. 25]. Следует согласиться с Е. С. Кубряковой в том, что «нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления, что делает текст возможным объектом концептуального и когнитивного анализа» [4, с. 516].

Суть истории довольно банальна: один бездарный композитор переложил на музыку произведение известного писателя и показал ему свое музыкальное творение. Писатель отозвался об этом произведении отрицательно. Разгневанный композитор пришел к нему и стал высказывать свое недовольство и возмущение. Писатель, чувствуя себя оскорбленным, не мог больше терпеть присутствия композитора, подошел к двери, открыл ее и выпроводил собеседника.

Известно, что одной из особенностей короткой истории является стремление автора сделать сухое лаконичное сообщение более ярким, более эмоциональным за счет внедрения в текст разных языковых средств. Для иллюстрации приводим текст полностью [12]:

Ein unbegabter Komponist hatte Gedichte eines berühmten Schriftstellers vertont und ihm die Komposition zur Begutachtung vorgelegt. Der Schriftsteller fällte ein negatives Urteil. Daraufhin wandte sich der Komponist aufgebracht an den Schriftsteller und rief: «Noch haben wir nicht aller Tage Abend! Es kommt eine Zeit, da werde ich Sie in Staunen, in Beschämung, in... versetzen, Sie...Sie...» Der Schriftsteller erhob sich, ging zur Tür, öffnete sie und sagte: «Setzen Sie mich, in was Sie wollen, mein Herr, nur nicht in Noten, und wenn Sie mein Haus nicht gleich verlassen, setzt es Schläge und ich setze Sie vor die Tür!»

Данный текст невелик по объему, он манифестирует в концентрированном виде суть события вербально (идиомами, коллокатами, устойчивыми словосочетаниями: zur Begutachtung vorlegen, ein Urteil fällen, in Staunen versetzen, in Beschämung versetzen, in Noten setzen, Schläge setzen, vor die Tür setzen) и с помощью паравербальных средств. Композиционно он состоит из трех частей: вступления, пунта и заключения. Пунт как стержневой элемент текста является одновременно его структурным и коммуникативным ядром, в котором заключена вся квинтэссенция этой ситуации. В пунтовой части употреблены номинативные сочетания, такие как in Staunen versetzen, in Beschämung versetzen, in... etwas setzen. В данном случае имеет место внезапный обрыв высказывания, который вызван эмоциональным состоянием собеседника, наплывом чувств, нежеланием продолжать высказывание, отсутствием в данный момент нужных слов или же нежеланием употреблять грубые слова. Умолчание в речи собеседника обозначено в тексте многоточием, которое является одним из кинематических средств, призванных способствовать эффективности процесса общения или же его прекращения [6]. Кинематическое средство репрезентует вербально невыраженное содержание, т. е. самое сильное, самое эмоциональное: da werde ich Sie in Staunen, in Beschämung, in...versetzen, Sie...Sie... Такой накал страстей передан с помощью УНБК путем разрыва их сочетательной устойчивости (умолчания в устном общении и многоточия в письменной форме). Такая манифестация возможна только устойчивыми словосочетаниями, соотносимыми же вербальными формами такого эффекта добиться невозможно, поскольку эмоциональный заряд устойчивых единиц, созданный силой нескольких составляющих, намного сильнее (vertonen = in Noten setzen): «Setzen Sie mich, in was Sie wollen, mein Herr, nur nicht in Noten...» Такое представление ситуации можно считать одним из самых действенных средств для достижения необходимого эффекта.

Часто умолчание представляет собой скрытый намек, угрозу, обещание. В таких случаях оно является стилистически значимым. В более широком смысле оно как художественный прием используется не только в устной разговорной речи, не только в художественной литературе, но и в музыке, живописи, кинематографе, когда автор не доводит свое произведение до логического конца, предоставляя возможность читателю (зрителю, слушателю) самому прийти к тем выводам, которые обусловлены всей смысловой структурой текста. С помощью УНБК и опосредованных кинематических средств передается эмоциональное и психическое состояние собеседников. Благодаря такому симбиозу вербальных и паравербальных средств читатель (слушатель) зримо ощущает и сопереживает конфликтную ситуацию. Таким образом, взаимодействие вербальных и паравербальных средств способствует организации текста и создает в нем тот эффект, который достигается в результате актуализации коммуникативной стратегии или интенции (скрытой или открытой). Однако, следует подчеркнуть, что текстовая сторона является ширмой, за которой скрывается гораздо больший объем неэксплицированного информационного пространства (внешность, черты характера, интеллект, привычки персонажей и др.) Оставшийся за «кадром» огромный пласт информации может быть, при соответствующих условиях, «развернут» или «свернут», поскольку в языке, как и в природе в целом, действует код «сжатия». Предварительные наблюдения позволяют говорить о текстоформирующей функции УНБК в силу их лингвистических свойств и релевантной для них двойной референции.

Проведенный анализ и его результаты могут служить, с одной стороны, подтверждением высказанной в свое время Г. В. Колшанским мысли о том, что «системность паравербальных средств возможна только в соотношении с языком, а объединить их можно только по функции в речи» [5]. Очевидно следует согласиться с Е. А. Селивановой в том, что «вербальна комунікація в чистому вигляді неможлива» [6, с. 91]. Следовательно только комплексное использование разных средств (как лингвистических, так и паралингвистических) способствует акцентированному представлению определенного факта или события. С другой стороны, результаты наших наблюдений могут служить в определенной степени опровержением высказываний лингвистов и писателей относительно «стандартизованных» выражений о том, что «язык готовых выражений тем плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа», они не затрагивают «сложнейшей клавиатуры нашего мозга, не вызывают в сознании нужных ассоциаций, теряют вкладываемый в них оценочный оттенок значения» [9]. Текстуализованные УНБК в нашем материале свидетельствуют о противоположном.

Текстуализация устойчивых единиц заявленного типа свидетельствует о тенденции к их становлению как структурных единиц предложения, к упорядочению и дифференциации условий их реализации. Активное и

эффективное усвоение указанных структур литературным языком свидетельствует о постепенном преодолении ими прежней стилистической замкнутости узкими рамками делового дискурса.

В задачи дальнейшего изучения исследуемых нами устойчивых комплексов входит исследование иных функций УНВК, в частности, дефинитивной, интегративной и других, поскольку они, как и сам язык, полифункциональны.

Литература

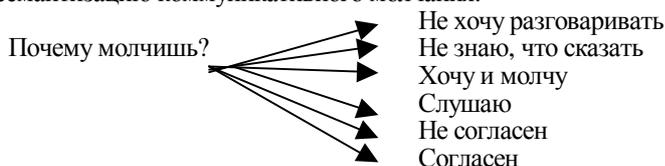
1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 142 с.
2. Денисенко С. Н. Мотиваційна база фразеологічної деривації. – Львів: Мовознавство. – № 5. – 1993. – С. 49-55.
3. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. – К.: Академія, 2003. – 464 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
5. Колшанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. – М.: Вопросы языкознания. – № 1. – 1973. – С. 16-25.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.
8. Шаронова Е. В. Дискурсивно – функциональный подход к номинOVERбальным комплексам. Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна, № 726. – Харків: Константа, 2006. – С. 131-134.
9. Чуковский К. За живое, образное слово. – М.: Знание, 1967. – 64 с.
10. Keller Rudi. Sprachwandel. 3. Auflage. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2003. – 238 S.
11. Schnurre Wolfdiétrich. Zur Problematik der Kurzgeschichte. Arbeitstexte für den Unterricht. Theorie der Kurzgeschichte. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1977. – 96 S.
12. Wořak Barbara, Heine Antje. Zur Abgrenzung und Beschreibung verbonominaler Wortverbindungen (Wortidiome, Funktionsverbgefüge, Kollokationen). – L.: DaF, 2005. – №4- S. 143-153.

Швачко С. А.

ОБРАЗ ТИШИНЫ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Поведение в социуме отмечено большой диверсификацией, интеграцией языковых и неязыковых действий человека, который работает, отдыхает, общается, оязыковляет наблюдения, сообщает о своих намерениях. В социуме используются вербальные (словесные) и невербальные (кинесика, просодика, проксемика, такесика, молчание) средства общения. Объектом исследования в данной статье выступает феномен персонифицированного молчания, предметом – его когнитивные и лингвистические аспекты (на материале художественного дискурса современных английского и русского языков). Актуальность исследования объективируется тенденциями лингвистики к изучению проблем коммуникации, а также – малоисследованностью вторичных образований в домене силенциального эффекта (термин А. Д. Беловой). Антропоцентричный характер объекта – nature silence эксплицируется его восходящими ассоциациями с homo silence, коммуникативным молчанием в социуме [1]. В статье фокусируется внимание на источниках nature silence, его экстерииоризации в современных языках.

Невербальные средства коммуникации исследуются многими лингвистами, изучающими объект с междисциплинарных позиций [2; 3; 4; 6; 7; 10]. Коммуникативному молчанию, как свидетельствуют исследования, присущи: ситуативность, диалогичность, антропоцентричность и эмоциональность. Высокий социальный статус молчания объективирует стратегическое назначение последнего. Полифункциональность коммуникативного молчания объясняется его полимодальностью, имплицитностью, уходом от конфликтной ситуации и т. д. «Невербальное поведение человека тоже входит в среду категории статусности, позволяет оценить статус личности, психологический мир и психическое состояние коммуниканта. Еще одним способом ее реализации является силенциальный компонент коммуникации – молчание» [3, с. 81]. Молчание – полиаспектное явление, в письменном дискурсе (в нашем случае – художественном дискурсе – ХД) оно представлено коммуникативным (homo silence), персонифицированным (nature silence) типами. Коммуникативное молчание из-за отсутствия денотата (наличие нулевого денотата) носит ситуативный характер. Ср.: частичную семантизацию коммуникативного молчания:

Это далеко не полный перечень причин силенциального эффекта. В ХД нарратор, например, описывает молчание персонажей и молчание природы – тишину. Коммуникативное молчание человека противостоит некомуникативному молчанию, с одной стороны, и образному персонифицированному молчанию в природе, с другой стороны. Молчание как нулевой денотат представлено неозвученно в адгерентных доменах:

